

Григорий Померанц

Вдохновение пророков и молчание мистиков

Когда-то религия была частью жизни племени и не выходила за рамки племени. Только в первом тысячелетии до Р.Х. началось становление единых культурных кругов – с высшим центром святости, единым для многих народов. С этого начались субглобальные цивилизации, предшественницы нынешнего недостроенного глобального единства.

Мне уже пришлось говорить, что на изрезанном побережье Средиземного моря – и около него – отдельные задачи единого духовного процесса решались в разных углах, разными народами. Религию единого Бога создали евреи, философию – греки, административно-правовую систему мирового государства – римляне. Эти различия были сняты в раннехристианском сплаве. И вся история древних евреев, вся борьба пророков с язычеством вошли в христианский канон как Ветхий Завет. Но на этом каноническая история пророчества кончилась. Последним ярким всплеском его было Откровение св. Иоанна. Дальнейшие попытки пророческих движений осуждались как ересь. В истории ислама все повторилось: Мохаммед был признан «печатью пророков», то есть последним пророком. Таким образом, в мировых монотеистических религиях пророки играют роль предшественников. Сделав свое дело, они должны уйти. Начинается новая эпоха: война между христианством и исламом – и между отдельными течениями христианства и ислама.

Почему в Индии и Китае религиозных войн не было? Как назвать религии Индии и Дальнего Востока? Мусульмане сперва сочли индуизм (и буддизм, сохранившийся в Бенгалии) язычеством. С буддизмом они покончили, вырезав монахов. Но индуистов было слишком много, и с ними как-то надо было поладить. В конце концов, религиозные

мыслители индуизма были признаны подобием доисламских пророков и веру их включили в «религии книги». Христианские миссионеры до сих пор считают индуизм утонченным язычеством. Язычеством им кажется то, что единого Бога–Отца в индуизме нет; роль вершины духовной иерархии играет, говоря языком христианского богословия, Святой Дух, выраженный негативно, отрицанием всех определений, которые можно дать Брахману.

Я уже приводил соответствующие тексты из вед, из упанишад, из разъяснений, данных Рамакришной. Неоднократно цитировал я и Лаоцзы. Глубины мировых религий Средиземноморья и Ближнего Востока выражены словом Бог, очищенным от всех ассоциаций с племенными богами, богами стихий, но сохранившим человеческий характер, подобный характеру пророков. Глубины религий Индии и Дальнего Востока выражены иначе. Обе эти традиции имеют свои достоинства и свои недостатки.

Религии единого Бога (но с разными писаниями) привели в мир религиозные войны и веками воевали друг с другом. У религий с вершиной, исчезающей в тумане (или с размытыми границами), религиозных войн не было. Спор индуизма с буддизмом длился более полуторы тысяч лет, но фанатики убивали только самих себя. Индуисты доказывали твердость своей веры обрядом сати (когда вдовы входили на погребальный костер мужа). Буддийские монахи, не имея семьи, устраивали подобие сати себе самим. Были изуверские спектакли, но не было изуверских побоищ. Религиозные войны – изнанка пророческой убежденности в истинности только одного, своего, божьего слова, следствие верности букве в ущерб духу, веющему всюду.

Отождествление истины со словом имеет свои педагогические достоинства на первых ступенях религиозного воспитания, но дальше – оно мешает, и Павел верен Христу, когда говорит, что буква мертва, буква убивает. Христос иногда ведет себя как пророк (или понят на этот

лад своими учениками), но то новое, что он внес в Библию, – это право нарушать букву, сохраняя дух, превосходящий слова. Он не только субботу учил нарушать, он внес правило, как нарушать любые запреты Моисея. Когда Христа спросили, какие две наибольшие заповеди, он ответил: Любить Бога больше всего на свете и любить ближнего, как самого себя; этим была утверждена истина, превосходящая все запреты, и они сразу потеряли свою безусловность. Во имя любви можно солгать, украсть, пустить в ход оружие (Антоний Сурожский настойчиво показывал это на простых жизненных примерах). Верующий теряет твердую программу. Ему открывается бездна свободного духа (и тяжесть ответственности за злоупотребление свободой). Божий след – о котором говорил Антоний – не определяется никаким принципом, он логически абсурден и подчиняется только неисповедимой внутренней воле.

Разумеется, в евангельском противопоставлении наибольших заповедей – запретам Моисея – и в учении о Божьем следе у Антония есть своя опасность. И протестанты, вернувшиеся к строгости пророческого слова, честнее других христиан. Но мистик, чувствующий божью правду сердцем, ставит сердце выше закона. Мистика снимает и различие между монотеизмом и религиями, стоящими по ту сторону монотеизма и политеизма. Для мистика всякое слово – только метафора, поэтический образ, символ, – и при подступе к тайне Бога вплотную всякое слово сгорает в огне озарения¹... С этим связана мистическая терпимость к выбору того или иного имени невыразимой тайны.

Совершенно иной характер имеет терпимость рационализма, сложившаяся в Западной Европе. На этой терпимости лежит печать

¹ Антоний сравнивает переживание мистика с чувством лодочника в суденышке, взлетающем вверх и падающим вниз в волнах. Но вот лодка выброшена на берег, лодочник ступил на твердую землю – и тогда он может рассказать, что он испытал. Силуан выразился короче: «сейчас я пишу, потому что со мной благодать; но если бы благодать была больше, я бы писать не мог». Все откровения – это рассказ человека, ноги которого уже стоят на твердой земле и приходят в голову твердые человеческие слова. Это первый перевод – с магмы озарения на речь, распадающуюся на подлежащее, сказуемое, другие члены предложения.

отвращения к изуверству, которое переходит в отвращение ко всякой ревностной вере. Терпимость, неуклонно нарастающая после Тридцатилетней войны, превратила христианскую Европу в постхристианскую. Эта Европа потеряла традицию пророков и не приобрела традицию пловцов, научившихся передавать чувство человека на гребне волны твердыми словами. Хотя существуют целые течения, ищущие традицию перевода в трудах Мейстера Экхарта, Иоганнеса Таулера, Рейсбрука, в диалоге с Далай Ламой и с другими восточными мистиками.

Может ли древняя традиция пророческих озарений быть возрождена буквально, простым вживанием в язык пророков Израиля? Я думаю, что в отдельных случаях артистически одаренный мистик может вжиться в древнюю роль. Но это не решает проблемы контакта с современным мышлением. Мне кажется плодотворнее продолжение традиции поэтической мистики – или дзэнского парадокса, как это делает Энтони де Мело.

Древнееврейская пророческая традиция тесно связана с историей древних евреев и не может быть повторена. Она выросла в египетском плену, в вавилонском плену, в рассеянии. Народ, оторванный от родных полей и холмов, или привыкает к своей новой родине и растворяется в ее верованиях и нравах, или прислушивается к пророкам, которые бичуют отступников и создают образ незримого Бога, царящего над вселенной и ведущего своих избранников к всемирной славе. В своем озарении древний пророк чувствует то, что рождалось в его сердце, как голос самого Бога. И вот здесь возникает проблема: как отличить непостижимо Божье от постигнутого человеком? Грубо говоря, как отличить пророческое от лжепророческого? Я прочел когда-то статью протоиерея Князева, долго изучавшего этот вопрос. В конце концов Князев признал, что четких границ здесь нет. Многих пророков преследовали как лжепророков, побивали камнями, а потом их ученики добивались

канонизации учителя и его текстов. Новая великая традиция, еретичная для старой, может стать всемирной силой... Нужно ли приводить примеры?

Слова, родившиеся в озаренном сознании, проходят сквозь человеческий ум, со всей его культурой, языком, неповторимо личным стилем, а через несколько веков, а то и тысячелетий, бросаются в глаза черты времени и места, принадлежащие истории, а не вечности. Самый характер Бога древних евреев развивается в разговорах с чередой пророков. Сперва, при сотворении мира, Сущий подобен духу, носящемуся над водами, а потом этот дух, рух, приобретает человеческие черты, слишком человеческие! Охваченный гневом, он посылает на землю всемирный потоп, египетские казни... Потом его образ смягчается, становится близким Исае, полным милосердия, и наконец, голосом Отца, которому подобен его Сын, и Сын призывает учеников быть подобным Ему, как Он подобен Отцу своему, и ставить заповеди любви выше всех запретов...

На этом я останавливаюсь до части 2-й, посвященной современным пророкам и проблеме путаницы пророческого с лжепророческим.